
Елена Ланц
Последняя невеста Мёртвого короля
18+

Елена Ланц

Последняя невеста мертвого короля

https://litres.ru/74742879
SelfPub; 2026

Аннотация

Раз в сто лет Мёртвый король выбирает себе невесту. И ни одна из них не доживает до двадцати пяти.

Когда к дому Эйлин Варн подъезжает чёрная карета, девушка понимает: теперь её очередь.

Её будущий муж — Кассиан Морвен, проклятый правитель, чьё сердце не бьётся уже четыреста лет. В его замке зеркала хранят чужие воспоминания, мёртвые шепчут по ночам, а портреты прежних королев пугающе похожи на Эйлин.

Он запрещает ей входить в северную башню. Не позволяет задавать вопросы о своих жёнах. И никогда не открывает дверь после полуночи.

Но чем ближе Эйлин узнаёт своего мрачного супруга, тем сложнее ей понять, кого следует бояться сильнее: чудовища, скрытого в стенах замка, или собственных чувств к человеку, погубившему столько жизней.

Ведь Мёртвый король уже любил её.

Уже терял.

Уже хоронил.

И на этот раз она намерена остаться последней его невестой.

Даже если ради этого придётся заставить бессмертного короля умереть.

Елена Ланц
Последняя невеста мертвого короля

ЕЛЕНА ЛАНЦ
ПОСЛЕДНЯЯ

НЕВЕСТА

МЁРТВОГО КОРОЛЯ
МРАЧНОЕ РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог · Части первая и вторая · 39 глав · Эпилог
Главы доступны также через панель навигации Word.

ПРОЛОГ

Последний вечер, когда всё было дома

В тот вечер Тобиас никак не хотел засыпать.

— Умирают ли люди во второй раз? — спросил он, когда Эйлин уже погасила лампу.

Она задержала руку на дверной ручке. В полумраке брат казался младше своих двенадцати лет: острые ключицы торчали над одеялом, светлые ресницы отбрасывали тени на

впалые щёки. После болезни он сильно похудел и теперь упрямо носил отцовский старый жилет, чтобы скрыть, как велик ему собственный.

— Не знаю, Тоби. И где ты берёшь такие вопросы?

— У мельника. Он сказал, что Мёртвый король умер однажды, но всё равно живёт.

— Мельнику полезнее думать о муке. В прошлый раз он продал нам мешок, полный мышиного помёта.

Тобиас засмеялся, а следом за смехом пришёл кашель. Он согнулся, вцепился в ткань ночной рубашки, и Эйлин сразу вернулась к кровати. Она посадила брата, подала воду и держала кружку у его губ, пока приступ не прошёл. Потом долго сидела рядом, чувствуя, как мокнет под ладонью его спина.

— Прости, — сказал он.

Это слово всегда злило её больше, чем кашель.

— За что? За то, что ты дышишь? Не вздумай просить прощения за такие вещи.

— Ты из-за меня не ходишь никуда.

— Неправда. Сегодня я ходила к мяснику. Он показал мне настоящую коровью голову. Очень увлекательный выход в свет.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Через две недели Эйлин исполнится двадцать четыре. Она не любила думать о возрасте: каждый прошедший год напоминал не о праздниках, а о том, сколько обещаний пришлось отложить ради больного брата.

Эйлин взглянула на брата. У него были светло-карие глаза матери, а у самой Эйлин — серо-зелёные, с тёмным ободком вокруг радужки. Мать говорила, что её дочери достались от предков все осенние краски сразу: густые каштановые волосы, отливающие медью на солнце, и глаза цвета реки перед грозой. Сейчас эти глаза смотрели на мальчика из бледного, похудевшего за зиму лица. Под левым глазом темнела маленькая родинка. Эйлин слишком часто слышала, что лицо у неё выразительное, а язык — неосторожный. Ни одно из этих качеств не помогало платить за лекарства.

— Понимаю, — ответила она. — Но если я захочу выйти в свет, то сделаю это без разрешения твоего кашля. А пока мне гораздо интереснее посмотреть, как ты научишься жить хотя бы один день без приключений.

Тобиас хотел возразить, но зевнул.

— Спой, как мама.

У Эйлин болезненно сжалось горло. Шесть лет прошло, а этот простой приказ по-прежнему застигал врасплох. Она помнила не все слова колыбельной. Иногда пропускала целые куплеты и заменяла их чем попало. Тобиас ни разу не упрекнул её.

Она запела тихо, почти шёпотом. За окном дождь перебирал голые ветви яблони. Тобиас прикрыл глаза. На середине второго куплета он уже спал, удерживая в руке край её рукава.

Эйлин не высвобождалась, пока пальцы сами не разжа-

лись.

На кухне отец сидел над листом бумаги. На столе остывал чай; рядом лежала связка писем с красными печатями.

— От кредиторов? — спросила она.

Ансельм вздрогнул и прикрыл ладонью верхний лист.

— Деловые бумаги.

— Мы оба знаем, что у нас нет дел, если не считать долга за муку и привычки чинить дырявую крышу.

Отец снял очки. За последнее время он поседел почти полностью. В молодости его волосы были того же тёмно-каштанового цвета, что у Эйлин; теперь от прежнего цвета остались лишь отдельные пряди у висков.

— Я нашёл возможность расплатиться, — произнёс он.

— Каким способом?

— Один старый договор. Потребуется немного времени, но земля останется нашей.

Эйлин села напротив. Ей не понравилось, что он не смотрит на неё.

— Ты ведь не продал дом?

— Нет.

— Не занял ещё денег у Вельта?

— Нет.

— Тогда дай прочитать.

Он убрал бумагу в ящик.

— Не сегодня. Ты устала.

Эйлин почувствовала, как в груди поднимается знакомое

раздражение: взрослый мужчина снова пытается уберечь её от правды, последствия которой всё равно лягут на её плечи.

— Папа. Я не ребёнок.

— Именно поэтому я прошу тебя довериться мне.

Она хотела ответить резко. Уже набрала в грудь воздух, но заметила, как дрожит его рука на ключе от ящика. В последнее время он боялся всего: счетов, ночного кашля Тобиаса, шагов за дверью, её собственных вопросов. Эйлин устала злиться на человека, который и сам себя ненавидел за беспомощность.

— Хорошо, — сказала она. — Но если это очередная глупость, я рассержусь сильнее обычного.

— Ты всегда сердишься сильнее обычного.

Он улыбнулся. Она тоже, хотя и через силу.

Перед сном Эйлин зашла в комнату матери. Там больше никто не жил. На туалетном столике остались треснувшая фарфоровая чашечка и деревянная коробка для ниток. Эйлин открыла шкаф и достала шерстяной платок — выцветший синий, с вышитыми по краю маленькими белыми птицами. Когда-то мать укутывала им девочку после зимних прогулок. В особенно сильные морозы ткань пахла дымом, мылом и яблочной корицей.

Она села на край кровати и вдруг вспомнила один вечер так ясно, будто дверь в прошлое открылась без предупреждения. Мать сидела у камина, Тобиас дремал на её коленях, отец читал вслух какую-то нелепую историю про море.

Эйлин держала кружку молока, обжигая пальцы. В тот вечер никто не болел и ни за что не боялся. Тогда ей казалось, что так будет всегда.

Эйлин закрыла глаза, стараясь удержать звук материнского смеха. Он уже стал неуловимым: иногда слышался низким, иногда высоким. Она испугалась, что однажды забудет его совсем.

— Я стараюсь, мама, — прошептала она в пустую комнату. — Правда стараюсь.

Внизу скрипнула половица. Эйлин открыла глаза. Наверное, отец всё ещё сидел над бумагами. Она повязала платок на шею и вышла, не заметив, что в доме одновременно остановились все часы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕВЕСТА ДЛЯ МЕРТВЕЦА

Глава 1

Чёрная карета

Карета приехала за Эйлин в четверг.

Впоследствии она часто думала, что это было очень невежливо со стороны смерти — являться в самый обыкновенный четверг, когда в доме ещё не вымыт пол, на кухне подгорает каша, а младший брат опять потерял единственный приличный башмак.

Если уж тебя собираются забрать замуж к покойнику, могли бы хотя бы предупредить заранее.

Впрочем, предупреждение было.

Тринадцать ударов колокола посреди ночи.

В городе, где колокольня давным-давно лишилась своего колокола.

Эйлин проснулась от первого удара. На седьмом села в постели, а на тринадцатом поняла, что сегодня произойдёт что-то ужасное.

Она лежала в темноте, пока остальные в доме продолжали спать, и вспоминала, как мать в детстве закрывала ставни при звуке ночных колоколов. «Не считай их, Линни, — говорила она.

— У ночи свои долги, а нам не следует спрашивать, кто пришёл их собирать». Тогда это казалось чудесной страшилкой. Эйлин пряталась под одеяло, а мать садилась к изголовью и притворялась, что совсем не боится.

Теперь матери не было уже шесть лет. От старого дома остались сквозняки, неоплаченные счета и привычка разговаривать шёпотом, когда Тобиас засыпал. Эйлин не могла позволить себе прятаться. Она пошла на кухню растопить печь: на рассвете надо было накормить брата перед лекарством, а отцу — оставить что-нибудь горячее, прежде чем он отправится искать работу. Пока вода закипала, она достала материн платок, поправила выбившуюся нитку на краю и почему-то не смогла убрать его обратно в сундук.

Когда на улице раздался хруст колёс, она сперва подумала о поставщике дров. Но звук приближался медленно, как похоронная процессия; лошади не фыркали, кучер не покри-

кивал, и даже соседская собака, обычно лаявшая на каждую повозку, забилась под крыльцо.

Теперь, стоя перед кухонным окном, она наблюдала, как чёрная карета медленно поднимается по грязной улице.

Её тянули четыре лошади.

Все белые.

Все с чёрными повязками на глазах.

— Тобиас, — сказала она, не оборачиваясь, — иди к отцу.

— Зачем?

— Потому что я прошу.

— Ты всегда так говоришь, когда собираешься сделать что-нибудь интересное.

— Тогда считай, что я собираюсь сделать нечто ужасно скучное.

Мальчик подошёл и заглянул поверх её локтя.

Ему было двенадцать. Он был худым, большеглазым и обладал поразительной способностью находить неприятности даже там, где их специально не оставляли.

Увидев карету, он замолчал.

Впервые за утро.

— Это за тобой? — спросил он.

Эйлин посмотрела на него.

— С чего ты взял?

— Потому что вчера ты сказала, что скорее выйдешь замуж за мертвеца, чем за господина Вельта.

— Я много чего говорю.

— А вдруг они услышали?

Эйлин хотела рассмеяться.

Не получилось.

Карета остановилась напротив их дома.

Кучер не спешил спускаться. Он сидел совершенно неподвижно, закутанный в длинный серый плащ. Лицо скрывал капюшон, а из-под рукавов виднелись чёрные перчатки.

Дверца открылась сама.

Из кареты вышел мужчина.

Высокий, худой, в старомодном сюртуке, который наверняка стоил дороже их дома вместе с крышей. У незнакомца были очень светлые, почти белые ресницы, редкие седые волосы и холодные бледно-серые глаза.

Он поднялся на крыльцо, остановился перед дверью и трижды постучал.

После третьего стука погас огонь в кухонной печи.

— Очень мило, — пробормотала Эйлин. — Теперь ещё и завтрак испорчен.

Отец появился в коридоре, придерживаясь за стену.

Ансельм Варн ещё несколько лет назад был человеком с прямой спиной, громким голосом и уверенностью, что любая беда рано или поздно закончится.

Теперь его плечи опустились, руки дрожали, а на лице появилась та усталость, которую не исправить сном.

Увидев человека за дверью, он побледнел.

— Нет, — прошептал он. — Нет, только не она.

Эйлин медленно повернулась к нему.

— Папа?

Он ничего не ответил.

Мужчина за дверью постучал снова.

— Госпожа Эйлин Варн, — раздался сухой голос. — По воле Его Величества Кассиана Морвена, короля Северных земель, хранителя Последнего престола и повелителя Закатной границы, вам надлежит принять королевское приглашение.

— Приглашение? — переспросила Эйлин. — Как замечательно. Передайте Его Величеству, что я сегодня занята.

За дверью воцарилась тишина.

— Это не то приглашение, от которого можно отказаться, госпожа.

— Тогда вашему королю стоит приобрести словарь.

Тобиас прыснул.

Отец закрыл глаза.

— Эйлин, открой дверь, — произнёс он.

Она посмотрела на него.

И внезапно всё поняла.

Не полностью, конечно. Но достаточно, чтобы внутри стало холодно.

— Ты знал.

Отец не поднял глаз.

— Я надеялся...

— Что?

— Что старые договоры утратили силу.

— Какие договоры?

Он молчал.

Снаружи снова раздался голос:

— Ваша семья получила три отсрочки выплаты долга. В соответствии с королевским указом обязательства дома Варнов могут быть исполнены путём передачи наследницы ко двору.

Эйлин медленно перевела взгляд на отца.

— Ты заложил меня?

Отец будто не услышал вопроса. Он смотрел на пятно муки на её рукаве, словно в этой мелочи ещё можно было отыскать привычное утро. У него дрожала нижняя губа; он пытался говорить и лишь беззвучно размыкал рот. Эйлин вспомнила вечер, когда он вернулся домой с чужой печатью на манжете. Тогда он поцеловал Тобиаса, объявил, что теперь у них появятся деньги на лекаря, и попросил больше ни о чём не беспокоиться. Она обрадовалась. Бросилась ему на шею. Даже испекла хлеб, хотя муки оставалось на два дня.

— Скажи, что это неправда, — попросила она уже почти беззвучно. — Скажи, что ты не знал.

Он потянулся к ней, но Эйлин отступила. Между ними оставалось всего два шага, а показалось — огромная пропасть. Из комнаты донёсся кашель Тобиаса. Этот сухой, надрывный звук мгновенно лишил её возможности сердиться так, как хотелось. Она боялась за брата и ненавидела отца за

то, что он заставил её выбирать между этой любовью и собственной жизнью.

Отец опустился на край скамьи. «Я думал, что сумею вернуть деньги до срока», — прошептал он. Эйлин вспомнила все свои попытки вести хозяйство: перешитые платья, проданные серьги матери, яблоки, которые они сушили вместо того, чтобы есть свежими. И поняла: обман начался не сегодня. Просто только сегодня у него появилось лицо.

— Нет! — Он шагнул к ней. — Клянусь, всё было не так. Я не знал, что они потребуют именно тебя. Я думал, речь о земле...

— Ты подписал документ, не прочитав?

Его молчание оказалось красноречивее любого ответа.

Снаружи послышался тихий шелест бумаги.

— Госпожа Варн, вашему отцу предоставлена возможность погасить все обязательства перед короной. Взамен вы должны вступить в брак с Его Величеством.

Эйлин рассмеялась.

Смех вышел коротким и некрасивым.

— С королём, который умер четыреста лет назад?

— Его Величество не считает данное обстоятельство препятствием.

— Как предусмотрительно с его стороны.

Она распахнула дверь.

На крыльце стоял пожилой человек с совершенно белыми ресницами. Лицо его напоминало лист пергамента, слишком

долго пролежавший на солнце.

В руках он держал чёрную шкатулку.

— Госпожа Варн. Меня зовут Вардис. Я служу канцлером Его Величества.

— Примите мои соболезнования.

— По какому поводу?

— Четыреста лет на государственной службе. Полагаю, вы совершили что-то действительно ужасное в прошлой жизни.

Канцлер не улыбнулся.

Он открыл шкатулку.

Внутри лежала золотая корона.

Тонкая, изящная, с тёмными камнями, похожими на застывшие капли крови.

Рядом находились кольцо и небольшой свиток, перевязанный чёрной лентой.

— Ваше приданое, госпожа.

— Я предпочла бы деньги.

— Это возможно. Вашему отцу будут возвращены документы на землю, а его долги уничтожены.

— И что дальше?

— Вы станете королевой.

Эйлин посмотрела на корону.

Её охватило странное чувство.

Она уже видела эту вещь.

Не в жизни — во сне.

Там всегда был длинный каменный коридор. Женщина в

белом бежала по нему босиком, прижимая к груди корону. Позади неё кто-то кричал.

А потом раздавался удар колокола.

И женщина падала.

Эйлин машинально коснулась основания шеи.

Канцлер проследил за движением.

На мгновение его лицо изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Но она заметила.

— Что будет, если я откажусь? — спросила Эйлин.

— Ваш отец лишится поместья. Долг будет взыскан по закону.

— Мы и так почти ничего не имеем.

— Ваш брат нуждается в дорогостоящем лечении, если я правильно осведомлён.

Эйлин застыла.

Тобиас уже два года страдал приступами лихорадки. Иногда он неделями не вставал с постели. Последний лекарь потребовал столько денег, что отец в отчаянии занял ещё.

— Не смейте, — тихо сказала она.

— Я лишь объясняю обстоятельства.

— Вы угрожаете ребёнку.

— Я предлагаю его сестре возможность спасти семью.

Она посмотрела на маленького брата.

Он стоял за отцом, крепко вцепившись в его рукав.

Упрямый. Испуганный. Живой.

И вдруг Эйлин вспомнила, как прошлой зимой он лежал с жаром и просил её не уходить. Как она сидела рядом до рассвета, меняя мокрые тряпки на его лбу. Как отец, отвернувшись к окну, плакал совершенно беззвучно.

— Когда мне нужно ехать?

— Сейчас.

— Разумеется. Не дай бог дать невесте время собраться.

Она подошла к брату и опустилась перед ним на колени.

— Послушай меня, Тоби.

— Ты не вернёшься? — спросил он.

Она хотела солгать.

У неё не получилось.

— Я постараюсь.

Он обнял её за шею.

— Тогда я пойду с тобой.

— Нет, мышонок.

— Но...

— Ты останешься с папой. Будешь принимать лекарства. И, пожалуйста, хотя бы иногда слушайся взрослых.

— Ты сама их никогда не слушаешь.

— Вот именно. Один преступник в семье — это уже слишком.

Он не засмеялся.

И тогда она поцеловала его в макушку, поднялась и направилась к своей комнате.

Из вещей она взяла два платья, гребень, шерстяной платок

матери и маленький нож с костяной рукоятью.

Нож она спрятала в сапог.

Гребень — в дорожный мешок.

А платок повязала на шею.

Когда Эйлин вышла, канцлер уже ждал у кареты.

Отец пытался что-то сказать.

Она остановила его жестом.

— Не сейчас.

— Эйлин...

— Если вернусь, папа, тогда поговорим.

Она поднялась внутрь.

Первой мыслью было броситься прочь. Не к дому — в переулок, через сады, на старую мельничную дорогу. Она даже измерила взглядом расстояние до низкой каменной ограды. Но на крыльце стоял Тобиас. Он старался не плакать перед незнакомцами и с таким усилием поджимал губы, что подбородок дрожал. Эйлин расправила плечи. Брату нужен был последний образ сильной сестры, а не беглянки, испуганной собственной тенью.

На пороге кареты она обернулась к канцлеру. — Если с ним что-нибудь случится, я вернусь, — сказала она. — И тогда ваш король узнает, как плохо выбирает невест.

Вардис выслушал её с вежливой невозмутимостью.

— Я передам Его Величеству вашу решимость.

Ей хотелось ударить его этой аккуратной вежливостью по лицу. Вместо этого она поднялась на подножку и ощутила

под туфлёй тёплый бархат, совершенно неуместный рядом с грязными ступенями родного крыльца.

На мягком бархатном сиденье лежало свадебное платье.

Белое.

С длинными кружевными рукавами.

И точно такое, какое она видела во сне.

Эйлин ещё смотрела на него, когда дверца захлопнулась.

Карета тронулась.

Она обернулась к заднему окну.

Отец стоял на крыльце, прижимая Тобиаса к груди.

Мальчик бежал за каретой, пока не поскользнулся в грязи.

Эйлин вскочила, ударила ладонью в стекло.

— Остановите!

Никто не ответил.

Карета продолжала двигаться.

И только тогда девушка заметила, что белые лошади не оставляют следов на мокрой земле.

*

К вечеру деревни исчезли.

За окнами тянулся мёртвый лес.

Деревья стояли так тесно, словно их стволы срослись в единую чёрную стену. Иногда между ними мелькали огоньки, похожие на глаза.

Эйлин пыталась считать повороты дороги, но вскоре поняла, что они уже несколько раз проезжали мимо одного и того же дерева.

Его ствол был расколот молнией.

Внутри дупла сидела мёртвая ворона.

На четвёртом круге ворона повернула голову.

Эйлин перестала смотреть в окно.

Напротив неё сидел канцлер Вардис.

Он достал из кармана часы.

Часы шли назад.

— Скажите, — нарушила молчание Эйлин, — много ли было девушек до меня?

— Достаточно.

— И где они теперь?

Канцлер поднял глаза.

— В покое.

— Это странный способ сказать «на кладбище».

— Его Величество обеспечил каждой достойное погребение.

— Очень любезно. А свадебный пир хотя бы приличный?

— Вы обладаете необыкновенным чувством юмора, госпожа.

— Оно развивается у людей, которых везут замуж против их воли.

За окнами раздался вой.

Канцлер закрыл часы.

— Я должен предупредить вас о некоторых правилах.

— Не есть после полуночи? Не разговаривать с портретами?

— Не входить в северную башню. Не касаться королевской короны без разрешения Его Величества. И самое главное — если после двенадцатого удара часов кто-то постучит к вам в дверь голосом короля, не открывайте.

Эйлин некоторое время смотрела на него.

— Простите?

— Даже если он будет умолять.

— Особенно обнадёживает последнее уточнение.

— Вы должны помнить.

— Я запомню. Хотя было бы гораздо удобнее, если бы сам король просто не приходил ко мне по ночам.

Канцлер отвернулся к окну.

— Иногда это не зависит от его желания.

В этот момент из тумана выступили башни замка.

Они поднимались над скалой, будто огромные чёрные пальцы, пытавшиеся дотянуться до неба.

На самой высокой башне горело единственное окно.

В нём стояла женщина.

Белое платье.

Длинные волосы.

Лицо, прижатое к стеклу.

Эйлин подалась вперёд.

Женщина подняла руку.

И девушка увидела, что у неё нет глаз.

Карета въехала в ворота.

Женщина исчезла.

А где-то в глубине замка медленно зазвонил колокол.

На этот раз ровно двенадцать раз.

Глава 2

Король, который не дышал

В замке пахло воском, влажным камнем и увядшими цветами.

Воздух был так холоден, что Эйлин сразу вспомнила церковь, где отпевали мать. Там тоже тянуло сыростью от пола и слишком сладко пахли венки. Только здешняя тишина казалась нарочно устроенной: слуги двигались бесшумно, не звякала посуда, даже подошвы туфель не оставляли привычного стука на камне. Несколько лиц мелькнули под капюшонами, и девушка принялась искать среди них хоть одно по-настоящему любопытное, злое или радостное. Любая обычная человеческая эмоция сейчас помогла бы ей удержаться за реальность.

У основания лестницы стояли два мраморных ангела. У первого было отбито крыло. У второго — лицо. Между ними на столике красовалась чаша с прозрачной водой. Эйлин машинально потянулась умыться после дороги, но Ровена тут же накрыла чашу ладонью.

— Не надо, госпожа. В ней смотрят на тех, кого ещё не привезли. Эйлин убрала руку. Ей впервые захотелось, чтобы кто-то здесь просто сказал: «Эта вода грязная».

Никто не встречал Эйлин музыкой.

Никто не рассыпал лепестки перед её ногами.

Несколько слуг в одинаковых тёмных одеждах выстроились по сторонам лестницы и склонили головы, когда она вошла.

Их лица казались одинаково бесцветными.

Но Эйлин заметила, что одна девушка украдкой посмотрела на неё с выражением такого ужаса, словно только что увидела человека, добровольно вошедшего в горящий дом.

— Её Величество проводят в покои, — сказал Вардис.

Из группы слуг вышла пожилая женщина.

Её седые волосы были собраны под чёрным чепцом, а на поясе висела связка ключей. Лицо с резкими складками у рта казалось вырезанным из старого дерева; серые глаза оставались цепкими и внимательными.

— Я госпожа Ровена, — представилась она. — Старшая смотрительница замка.

— А я Эйлин. Пока ещё без титула.

Ровена не улыбнулась.

— Следуйте за мной.

Они поднялись по широкой лестнице.

Вдоль стен висели портреты.

Мужчины в доспехах, женщины в роскошных платьях, дети с серьёзными лицами.

И у каждого портрета была одна странность.

Глаза.

Пока Эйлин проходила мимо, ей казалось, что нарисованные люди смотрят на неё.

Она проверила это у третьего полотна.

Остановилась.

Посмотрела в глаза изображённой даме.

Дама смотрела прямо перед собой.

Эйлин сделала шаг вправо.

Зрачки на картине медленно сдвинулись вслед за ней.

— Чудесно, — сказала она. — Похоже, тут никто не страдает недостатком любопытства.

Ровена продолжала идти.

— Не разговаривайте с портретами, госпожа.

— А они отвечают?

— Иногда.

Это был уже второй человек, которому чувство юмора явно не требовалось для выполнения служебных обязанностей.

В конце коридора находилась дверь из тёмного дерева.

Ровена открыла её.

За дверью располагались роскошные покои.

Гостиная с камином, спальня с огромной кроватью под балдахином, гардеробная и собственная купальня.

На столе стояла ваза с белыми розами.

Эйлин подошла к ней.

Лепестки выглядели свежими.

Но когда она коснулась одного пальцем, цветок рассыпался в серый пепел.

Она отдёрнула руку.

— Это бывает, — сказала Ровена.

— Что именно?

— Цветы здесь не живут долго.

— А люди?

Смотрительница посмотрела на неё.

— Ужин будет подан через час.

Ответ был достаточно выразительным.

*

К церемонии Эйлин готовили две служанки.

Одна из них оказалась той самой испуганной девушкой из холла.

Её звали Лида. Худенькая, с тёмно-русыми волосами, заплетёнными в аккуратную косу, и тёплыми карими глазами, она казалась младше своих девятнадцати лет. Когда нервничала, прятала большие пальцы в кулаки.

Ей едва исполнилось девятнадцать, и она так дрожала, застёгивая платье, что дважды уронила серебряную булавку.

— Ты давно здесь работаешь? — спросила Эйлин.

— Почти четыре года, госпожа.

— И как тебе?

Лида опустила глаза.

— Здесь хорошее жалованье.

— Я спрашивала не об этом.

— Знаю.

Эйлин повернулась к зеркалу.

В белом платье она выглядела чужой. Густые тёмно-каштановые волосы, в которых на солнце появлялся медный от-

лив, теперь были собраны и казались темнее; несколько волнистых прядей выбились у висков. Серо-зелёные глаза на бледном лице выглядели непривычно большими, а маленькая родинка под левым глазом — единственной знакомой чертой. Эйлин казалась себе не прекрасной незнакомкой, а девушкой, которую слишком тщательно подготовили к роли, на которую она не соглашалась.

Ткань облегала талию, спускалась тяжёлыми складками до пола. На рукавах серебряными нитями были вышиты маленькие ветви терновника.

Эйлин коснулась одной из них.

Уколола палец.

— Прекрасно. Даже платье пытается меня убить.

Лида резко подняла голову.

— Не говорите так!

Девушка произнесла это слишком громко.

В комнате наступила тишина.

— Почему? — спросила Эйлин.

Лида сглотнула.

— Замок слышит.

В зеркале за их спинами что-то мелькнуло.

Эйлин обернулась.

Никого.

— И что он делает с услышанным?

Лида посмотрела на дверь.

— Иногда исполняет.

*

Церемония проходила в часовне.

Высокие своды терялись в темноте. Между колоннами горели сотни свечей, и всё равно света было недостаточно.

Скамьи пустовали.

У алтаря стоял священник в серебряной маске.

А рядом с ним — мужчина.

Эйлин увидела его ещё с порога.

Высокий.

Широкоплечий.

В чёрном камзоле, украшенном тонкой серебряной вышивкой.

Прямые тёмные волосы касались воротника; у правого виска выделялась одна серебристая прядь. Лицо было бледным, с жёстко очерченными скулами, прямым носом и тонким светлым шрамом над верхней губой. На губах застыло выражение такого безразличия, словно он присутствовал не на собственной свадьбе, а на утомительном заседании совета.

Когда Эйлин подошла, мужчина повернулся.

Их взгляды встретились.

Серые глаза.

Не светлые и не тёмные.

Холодные, словно зимнее небо перед снегопадом.

На одно короткое мгновение его лицо изменилось.

Он побледнел ещё сильнее.

Сделал едва заметный шаг назад.

И прошептал слово, которого Эйлин не расслышала.

— Ваше Величество, — произнёс канцлер, — госпожа Эйлин Варн прибыла согласно вашему распоряжению.

Мужчина продолжал смотреть на неё.

Слишком долго.

Так смотрят на призрака, внезапно появившегося посреди людной комнаты.

— Я вижу, — сказал он наконец.

Она ожидала скрипа костей, запаха могилы, чего угодно, что поможет отыскать в нём чудовище. Вместо этого увидела усталого мужчину со шрамом над губой и тонкой морщиной между бровями. На его манжете серебряная нить распустилась у самой пуговицы — незначительный недостаток, отчего великолепный наряд вдруг стал человеческим. Он смотрел на неё так пристально, что Эйлин захотелось поправить волосы, но она нарочно оставила выбившуюся прядь на щеке.

Кассиан не замечал ни платья, ни украшений. В жесте, которым девушка стиснула руку в кулак, скрывалось нечто невыносимо знакомое. На одну секунду ему почудилось, будто все оставшиеся за спиной годы сомкнулись и кто-то постучал из прошлого. Он знал, что перед ним другая женщина. И всё же не сумел заставить себя смотреть на неё как на незнакомку.

Голос у него был низкий.

Красивый.

И странно усталый.

— Рада, что ваши глаза исправно работают, — ответила Эйлин. — Мне сообщили, что некоторые части вашего тела находятся в менее удовлетворительном состоянии.

Священник замер.

Канцлер закрыл глаза.

А король...

Король слегка приподнял бровь.

— Вас не предупредили, как следует разговаривать со мной?

— Предупредили, что нельзя открывать вам дверь после полуночи. О правилах беседы ничего не сказали.

На мгновение Эйлин показалось, что уголок его рта дрогнул.

Но он отвернулся.

— Начинайте.

Священник поднял руки.

Где-то под полом раздался глухой удар.

— Перед лицом Живых и Мёртвых, перед короной и Последней границей...

Эйлин почти не слушала.

Она смотрела на короля.

Он стоял совсем рядом.

И не дышал.

Вначале это казалось невозможным. Она пыталась уло-

вить движение его груди, лёгкое колебание ткани, хоть какой-то признак дыхания.

Ничего.

Ни одного вдоха.

— ...принимаете ли вы эту женщину как законную супругу, хранительницу вашего дома и разделяющую вашу вечность?

— Принимаю, — ответил он.

Слишком быстро.

Слишком ровно.

Священник повернулся к Эйлин.

— Принимаете ли вы Кассиана Морвена...

Она посмотрела на короля.

— А можно задать вопрос?

Все трое мужчин одновременно повернулись к ней.

— Вы действительно мертвы? — спросила она.

Король ответил не сразу.

— Да.

— Окончательно?

— Боюсь, недостаточно.

— Замечательно. Тогда, по крайней мере, у нас не будет споров из-за того, кто громче храпит.

Священник издал сдавленный звук.

Кассиан посмотрел на неё с неподдельным удивлением.

А затем — впервые — улыбнулся.

Это была почти незаметная улыбка.

Но она совершенно изменила его лицо.

И Эйлин неожиданно поняла, что её будущий муж был бы невероятно красивым человеком, если бы не выглядел так, словно собирался лично похоронить весь мир.

— Принимаете? — повторил священник.

Эйлин глубоко вдохнула.

Вспомнила отца.

Тобиаса.

И ответила:

— Принимаю.

Когда Кассиан взял её руку, она вздрогнула.

Его пальцы были ледяными.

Он заметил.

На секунду ослабил хватку.

Потом медленно надел кольцо.

В тот миг, когда золото коснулось её кожи, все свечи в часовне вспыхнули синим.

Под полом что-то заскреблось.

Священник оборвал молитву.

И прямо возле уха Эйлин раздался женский шёпот:

— Не повторяй моей ошибки.

Она резко обернулась.

Позади никого не было.

Только пустые скамьи.

И на самой дальней из них — влажный след, будто кто-то сидел там в мокром платье.

Кассиан крепче сжал её пальцы.

— Не слушайте, — тихо произнёс он.

— Кого?

— Никого.

Он отпустил её руку.

— Церемония окончена.

*

На выходе из часовни Эйлин остановилась перед большим зеркалом.

Оно висело между двумя колоннами.

В зеркале отражались свечи, алтарь, её белое платье.

И пустота там, где стоял король.

Она медленно повернулась к нему.

Кассиан проследил за её взглядом.

— Это вас пугает?

Эйлин задумалась.

— Скорее раздражает.

— Почему?

— Представляю, как трудно вам выбирать костюм по утрам.

Он посмотрел на своё отражение, которого не существовало.

— Я давно перестал выбирать.

И неожиданно добавил:

— Вам не следовало приезжать.

Она ощутила приступ злости.

— Вы послали за мной карету.

— Я знаю.

— Вы потребовали, чтобы я вышла за вас замуж.

— Знаю.

— Тогда, возможно, в следующий раз стоит разобраться со своими желаниями до того, как вы испортите кому-нибудь жизнь.

Его лицо стало неподвижным.

— В следующий раз, — произнёс он, — я постараюсь.

И ушёл.

Эйлин осталась одна перед зеркалом.

Откуда-то из глубины часовни донёсся тихий плач.

Глава 3

Три запрета

Первую брачную ночь Эйлин провела в одиночестве.

Одиночество было странным: она находилась за дверью, которую могли открыть слуги, за другой дверью начинался коридор с портретами, а где-то неподалёку обитал её новый муж — человек, с которым она обменялась клятвами, не зная почти ничего о его жизни. Она села на кровать, провела рукой по вышитому покрывалу и почувствовала себя маленькой девочкой в чужой гостиной, где всё было слишком дорогим, чтобы смеяться или касаться руками.

За окном ветер раскачивал сухие ветви, которые словно скреблись о стекло. На туалетном столике лежала щётка для волос с перламутровой ручкой; на её зубцах застрял длин-

ный светлый волос. Эйлин осторожно сняла его. В покоях явно жила другая женщина. Её место заняли так быстро, что не успели убрать даже такой пустяк. Девушка бросила волос в огонь, но он не вспыхнул. Лежал на углях тонкой серебряной нитью и только через несколько секунд рассыпался.

На столике у кровати стоял поднос с ужином. Нежное мясо, свежий хлеб, фрукты и вино. Еда была прекрасной на вид, но совершенно безвкусной.

Эйлин отложила вилку.

— Если это королевская кухня, то я начинаю понимать, отчего здесь все умерли.

Снаружи кто-то тихо кашлянул.

Она обернулась.

У двери стояла Лида.

— Простите, госпожа. Я пришла убрать поднос.

— Входи. И скажи честно: здесь всегда так готовят?

— Еда была приготовлена ещё до вашего приезда.

— За сколько дней?

— За сто лет.

Эйлин посмотрела на тарелку.

Медленно положила нож.

— Прекрасно.

Лида почти улыбнулась.

— Вам принесут другую еду завтра.

— Надеюсь, менее выдержанную.

Пока служанка убирала посуду, Эйлин осмотрела кольцо.

На внутренней стороне были выгравированы слова на древнем языке.

— Ты умеешь это читать?

Лида взглянула на надпись и сразу отвела глаза.

— Нет.

— Но знаешь, что она означает?

Служанка замерла.

— Здесь некоторые вещи лучше не знать.

— У вас это семейный девиз?

Лида опустила голову.

— Госпожа, прошу вас. Я не хочу неприятностей.

Эйлин смягчилась.

— Хорошо. Не буду спрашивать.

Девушка облегчённо выдохнула.

— Спасибо.

Она уже подошла к двери, когда Эйлин окликнула её:

— Лида?

— Да?

— Почему ты так испугалась, когда я сказала, что платье пытается меня убить?

Лида стояла спиной к ней.

— Потому что предыдущая королева говорила то же самое.

И быстро вышла.

*

Позже Эйлин попыталась снять кольцо.

Оно не поддалось.

Она намылила палец, потянула сильнее.

Бесполезно.

Золото словно срослось с кожей.

— Ну конечно, — пробормотала она. — Даже драгоценности здесь с характером.

Она легла, но долго не могла заснуть.

Ветер скреб ветвями по стеклу.

Камин давно погас.

Где-то за стеной мерно капала вода.

Эйлин смотрела в потолок и думала о Тобиасе.

Интересно, поужинал ли он? Принял ли лекарство? Лёг ли вовремя?

Она представила, как отец сидит один на кухне, держа в руках её старую чашку.

Слёзы неожиданно выступили на глазах.

Эйлин сердито вытерла их.

— Не дождётесь, — прошептала она неизвестно кому.

В этот момент часы в коридоре начали бить полночь.

Один.

Два.

Три.

На двенадцатом ударе раздался стук в дверь.

Эйлин села.

Три негромких удара.

Потом тишина.

Она вспомнила предупреждение канцлера.

Если кто-то постучит голосом короля, не открывайте.

Стук повторился.

— Эйлин.

Это был голос Кассиана.

Тихий.

Почти нежный.

— Откройте, пожалуйста.

Она не пошевелилась.

— Кто там?

— Это я.

— Какое содержательное представление.

За дверью послышался вздох.

— Я знаю, что напугал вас сегодня. Мне нужно поговорить.

Эйлин крепче сжала одеяло.

— Завтра.

— Завтра будет поздно.

В голосе появилось отчаяние.

Он больше не звучал как холодный, надменный король.

Скорее как человек, стоящий на краю пропасти.

— Пожалуйста, Эйлин. Я не могу больше оставаться один.

В этой просьбе что-то странно коснулось её собственной тоски. Отец после смерти матери тоже приходил ночью к двери детской. Не входил, лишь спрашивал, спят ли они. Эйлин знала, что он стоит в коридоре потому, что боится пу-

стой спальни в другом конце дома. Когда Тобиас был маленьким, она иногда притворялась сонной и позволяла отцу поправить одеяло, чтобы он хоть на минуту почувствовал себя кому-то нужным.

На миг ей стало жалко человека за дверью. Потом она услышала, как на другом конце коридора скрипят половицы, и вспомнила слова Вардиса. Жалость никуда не исчезла, но к ней добавился стыд: она чуть не перепутала чужое одиночество с правом проникнуть к ней в комнату.

Она опустила ноги на пол.

Сердце стучало так сильно, что ей стало больно.

— Почему именно сейчас?

Потому что за обыденными вопросами скрывалась самая страшная её мысль: если голос у двери знал её имя, если король знал о матери и о прежних невестах, то сколько ещё чужих людей могли наблюдать за её жизнью задолго до того, как появилась чёрная карета? Эйлин вспомнила своё детство: улицу после дождя, школьные тетради, сад, где они с братом прятали жестянку с секретами. Неужели все эти годы кто-то ждал, когда она вырастет? От этой мысли сильнее всего хотелось вернуться домой, закрыть ставни и объяснить себе, что ничего необычного никогда не происходило.

— Потому что я слишком долго ждал тебя.

Тебя.

Не «вас».

Она медленно подошла к двери.

Протянула руку к засову.

И вдруг услышала ещё один звук.

Тихое царапанье.

Словно кто-то проводил ногтем по дереву.

— Открой, — произнёс голос.

Теперь он стал ниже.

Грубее.

— Эйлин.

Девушка убрала руку.

— Нет.

Тишина.

Потом голос снова изменился.

На этот раз он был женским.

— Умница.

Эйлин отступила.

Из-под двери потекла чёрная жидкость.

Она медленно растекалась по полу, оставляя за собой запах мокрой земли.

Девушка зажала рот ладонью.

Жидкость остановилась возле её ног.

Собралась в тонкую линию.

И начала выводить на камне буквы.

ОН ЗНАЕТ.

Эйлин стояла неподвижно.

Через несколько мгновений надпись исчезла.

Жидкость втянулась обратно под дверь.

И всё закончилось.

*

Утром на пороге лежал мёртвый мотылёк.

Огромный, белый, с чёрными узорами на крыльях.

Эйлин подняла его двумя пальцами.

Рядом с крылом лежало маленькое золотое кольцо.

Точно такое же, как на её руке.

Только изнутри оно было покрыто засохшей кровью.

Она понесла находку в библиотеку.

Короля там не оказалось.

Зато в высоком кресле у камина сидел незнакомый мужчина лет сорока с короткими светлыми волосами и глубоким шрамом над бровью.

На нём были тёмные доспехи. Короткие пепельно-светлые волосы были небрежно зачёсаны назад; глубокий шрам над правой бровью делал его внимательное лицо суровее.

Увидев Эйлин, он резко поднялся.

— Ваше Величество.

— Надеюсь, вы не мой муж?

Мужчина моргнул.

— Нет, госпожа.

— Отлично. Одного мне пока вполне достаточно.

Он склонил голову.

— Капитан Орин Беллар. Командующий дворцовой стражей.

— Эйлин. По всей видимости, командующая дворцовыми

неприятностями.

Капитан улыбнулся.

В отличие от остальных жителей замка, это была настоящая человеческая улыбка.

И Эйлин почувствовала почти болезненное облегчение.

— Вы что-то ищете? — спросил он.

Она показала кольцо.

Улыбка исчезла.

— Где вы это взяли?

— Нашла перед спальней.

Капитан побледнел.

— Вы открывали дверь ночью?

— Нет.

Он шумно выдохнул.

— Слава богам.

— Полагаю, вы можете объяснить, что происходит?

Орин внимательно осмотрел кольцо.

Потом завернул его в кусок ткани.

— Я должен передать это королю.

— Сначала ответьте мне.

— Госпожа...

— Я проснулась ночью оттого, что за дверью кто-то просил меня впустить. Потом из-под двери потекла чёрная дрянь. А утром я обнаружила кольцо покойницы. И мне кажется, я заслужила хотя бы несколько объяснений.

Капитан долго смотрел на неё.

— Тот, кто приходил к вам, не был Его Величеством.

— Это я поняла.

— Он не может войти без вашего приглашения.

— Кто он?

Капитан промолчал.

— Вы же не собираетесь тоже сказать, что мне лучше не знать?

Орин опустил взгляд.

— Боюсь, собираюсь.

Эйлин горько усмехнулась.

— Похоже, у вас здесь очень дружный коллектив.

Она забрала кольцо.

И вышла.

Но на пороге остановилась.

— Капитан?

— Да, госпожа?

— Вы живой?

Орин растерянно посмотрел на неё.

— Разумеется.

— Тогда почему служите мёртвому королю?

Его лицо изменилось.

— Потому что живым людям иногда нужны чудовища, госпожа. Особенно когда настоящие чудовища стоят за городскими стенами.

Глава 4
Галерея четвёртой невесты

Утро после первого ночного стука встретило Эйлин неожиданным светом. Она решила, что если солнечные лучи способны проникнуть в замок, значит, у этого места есть хотя бы один приличный недостаток.

В поисках мастерской, где можно было бы починить застёжку на сапоге, она вышла в незнакомый коридор. Здесь не было ни слуг, ни окон. Только полукруглые ниши и портреты под тёмными покрывалами. Воздух пах остывшим воском и чем-то сладковатым, похожим на увядшие лилии.

На первом покрывале проступили буквы: «Изель». На втором — «Нориэн». На третьем — «Мериэль».

Эйлин остановилась. Накануне Орин отказался рассказать ей о прежних королевах. Зато замок, похоже, решил устроить собственную экскурсию.

— Прежде чем ты меня напугаешь, — обратилась она к ближайшему портрету, — предупреждаю: кричать у меня получится громко.

Она стянула покрывало с первого изображения. Изель сидела на фоне зимнего сада и держала в руках белую бабочку. Но краска на лице потрескалась так, что уцелели только прозрачные голубые глаза и светлые волосы. На второй картине, подписанной «Нориэн», кто-то замазал глаза тёмным лаком. Третье полотно, «Мериэль», было затянуто паутиной; Эйлин различила бронзовые пряди, но не смогла рассмотреть ни выражение лица, ни его приметы.

Кто-то старательно скрывал не только смерть прежних ко-

ролев, но и их лица. Эйлин ещё не знала, что именно должно её встревожить.

В конце галереи оставалась четвёртая ниша. Покрывало на ней было тяжелее остальных, словно его пропитали водой. На ткани не было имени. Только дата по внешнему календарю: тот же месяц, на который приходился её двадцать пятый день рождения, ещё через год с небольшим. До двадцати четырёх Эйлин оставалось две недели. От этого счёта ей стало нехорошо: художник будто назначил не возраст, а срок.

Она долго стояла, держась за край ткани. Потом резко сорвала её.

С полотна на неё смотрела сама Эйлин.

Те же густые тёмно-каштановые волны волос. Те же серо-зелёные глаза. Та же маленькая родинка под левым глазом. Только кожа была не просто бледной, а мертвенно-белой, а по шее проходила узкая красная рана. Изображённая женщина лежала в свадебном платье, со сложенными на груди руками. Художник оставил на ткани несколько тонких кровавых пятен, будто писал с натуры.

Эйлин коснулась собственной шеи. Под пальцами бешено бился пульс.

Внизу полотна золотыми буквами было написано: «Эйлин Морвен. Последняя».

Она услышала за спиной негромкий шорох.

— Это неправда, — произнёс чей-то голос.

Эйлин обернулась. В проходе стояла Ровена, ключи на её

поясе мелко дрожали.

— Вы видите картину?

— Я вижу вас, госпожа.

— Ответьте на вопрос.

Ровена не подняла глаз. По её лицу было ясно: она очень старается не смотреть на четвёртую нишу.

Эйлин повернулась к полотну — и обнаружила пустую раму. За ней проступала серая штукатурка. Ни лица, ни платья, ни крови.

— Она была здесь!

— Некоторые вещи замок показывает не для того, чтобы предупредить, — сказала Ровена.

— А зачем?

— Чтобы вы сами сделали то, чего он от вас добивается.

Смотрительница быстро набросила покрывало на пустую раму. Эйлин заметила, как та стиснула зубы, будто прикосновение к ткани причиняло боль.

— Кто пишет эти портреты?

— Никто не писал последний.

— И что он означает?

Ровена на этот раз посмотрела ей в глаза.

— Что здесь уже знают, какую смерть вы боитесь больше всего.

Вечером Эйлин попыталась рассказать о картине Кассиану. Он слушал неподвижно. Когда она упомянула рану на шее, его рука на подлокотнике дрогнула.

— В галерее нет четвёртого портрета, — сказал он наконец.

— Значит, вы считаете меня сумасшедшей?

— Нет.

— Тогда почему лжёте?

Он поднялся. Эйлин увидела, как болезненно изменилось выражение его серых глаз.

— Потому что я боюсь увидеть то же самое.

Он ушёл раньше, чем она смогла ответить. Эйлин осталась стоять среди холодного света и впервые подумала, что король боится замка не меньше её.

Глава 5

За запертой дверью

Кассиан нашёл её в зимнем саду.

Когда-то здесь устраивали приёмы: под стеклянным куполом ещё сохранились железные крючки для фонарей, а между опустевшими клумбами стояли скамейки с выгравированными именами. На одной было вырезано «Изель», на другой — «Мериэль». Эйлин заметила это не сразу. Пока она пыталась освободить бабочку, ей казалось, что сад просто забыли полить. Но когда в просвете между листьями открылось каменное имя, она вдруг представила женщину, сидевшую здесь когда-то с раскрытой книгой. Возможно, её тоже отвлекала бабочка. Возможно, она тоже радовалась, когда удавалось спасти что-нибудь маленькое.

Кассиан остановился у дверей и несколько секунд наблю-

дал за ней. Взгляд его задержался на старой скамье с именем Мериэль; лицо стало таким, словно он вспомнил нечто болезненное. Эйлин заметила это, но решила не спрашивать. Она слишком часто слышала о женщинах, которые были здесь прежде неё.

Эйлин сидела на краю пустого фонтана и пыталась освободить от паутины маленькую белую бабочку.

Она обнаружила насекомое между сухими ветвями розового куста. Бабочка была жива, хотя в саду стоял такой холод, что дыхание превращалось в пар.

— Вы не должны здесь находиться.

Эйлин даже не обернулась.

— Доброе утро и вам, супруг.

— Это закрытая часть замка.

— Дверь была открыта.

— На ней висел запрет.

— Неужели? Я решила, что надпись «Не входить» — это древняя форма приветствия.

Кассиан остановился в нескольких шагах.

Она осторожно освободила последнее крыло.

Бабочка осталась на ладони.

— Что вы делаете?

— Пытаюсь спасти невинное существо от весьма неприятной участи. В отличие от некоторых, у меня это вызывает интерес.

— Она всё равно умрёт.

Эйлин подняла глаза.

— Возможно. Но это не значит, что я должна оставить её в паутине.

Кассиан посмотрел на бабочку.

Затем на девушку.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на боль.

— Вы всегда были такой?

— Какой?

— Неосторожной.

— Не знаю. Мы ведь знакомы меньше суток. У вас ещё будет возможность составить подробный список моих недостатков.

Он отвернулся к окнам.

Снаружи лежал серый сад.

Деревья были голыми, а среди мёртвых ветвей висели маленькие серебряные колокольчики.

Ни один не звенел.

— Почему вы не пришли ночью? — вдруг спросила Эйлин.

Король повернулся.

— Что?

— Ко мне. После полуночи.

Лицо Кассиана стало совершенно неподвижным.

— Кто-то приходил?

— Да.

— Вы открыли?

— Нет.

Он закрыл глаза.

И впервые за время их знакомства Эйлин увидела на его лице неподдельный страх.

— Хорошо, — прошептал он.

— Ваше Величество, я не привыкла благодарить людей за отсутствие попыток меня убить. Но, возможно, здесь иные правила приличия.

Кассиан подошёл ближе.

— Послушайте меня внимательно. Если ночью вы услышите мой голос, плач ребёнка, зов вашей матери или кого-нибудь из близких — не открывайте.

Её пальцы сжались.

— Моей матери?

Он понял, что сказал лишнее.

— Я привёл пример.

— Откуда вы знаете, что она умерла?

— Я знаю многое о вашем доме.

— А об остальных ваших невестах?

Тишина стала тяжёлой.

— Что вы хотите узнать?

— Они были красивыми?

Кассиан не ответил.

— Вы их любили?

Его взгляд медленно опустился на её кольцо.

— Да.

Одно короткое слово.

Эйлин почему-то почувствовала укол ревности.

Глупо.

Смешно.

Она была замужем за ним меньше суток и совершенно не собиралась испытывать к нему нежных чувств.

— Всех? — спросила она.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Каждую.

— И все умерли?

— Да.

— При каких обстоятельствах?

Кассиан отошёл к окну.

— Ваша любознательность погубит вас.

— Пока что, насколько я понимаю, это прекрасно удавалось и без неё.

Он резко повернулся.

— Вы думаете, я этого не знаю?

Голос прозвучал неожиданно громко.

Бабочка вздрогнула на ладони Эйлин.

Она поднялась.

— Тогда почему я здесь?

Кассиан смотрел на неё.

Долго.

Потом тихо сказал:

— Потому что я оказался недостаточно сильным, чтобы

позволить вам умереть вдали от меня.

Эйлин почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Что это значит?

Но он уже направлялся к выходу.

— Сегодня вечером мы ужинаем вместе. Я пришлю за вами.

— Не уходите!

Король остановился.

— Я не закончила.

— А я закончил.

Она быстро подошла к нему.

— Вы можете запереть меня в этом замке, назвать своей женой и заставить окружающих кланяться мне до пола. Но это не означает, что я стану молча выполнять ваши приказы.

Он медленно повернулся.

Они оказались слишком близко друг к другу.

Эйлин впервые заметила тонкий шрам у него над верхней губой.

И маленькую серебряную прядь у виска.

Его лицо было холодным.

Но глаза...

Глаза смотрели на неё так, словно в мире не существовало ничего более опасного.

— Вы не понимаете, чего требуете, — произнёс Кассиан.

— Тогда объясните.

Он поднял руку.

На мгновение ей показалось, что он хочет коснуться её щеки.

Но пальцы замерли в воздухе.

— Если бы я мог рассказать вам всё, Эйлин, вы никогда больше не захотели бы видеть моё лицо.

— Вы слишком высокого мнения о собственной способности производить впечатление.

Кассиан неожиданно тихо рассмеялся.

Смех получился хриплым, словно он давно не пользовался этой частью своего голоса.

А потом улыбка исчезла.

— Не входите в северную башню, — сказал он. — Никогда.

И вышел.

Эйлин осталась одна.

Бабочка наконец взлетела с её ладони.

Сделала круг.

И опустилась на сухую розу.

Цветок медленно раскрылся.

Впервые за много лет зимний сад наполнился тонким запахом живых цветов.

*

Тем же вечером Эйлин нарушила первый запрет.

Не из храбрости.

Не из глупого любопытства.

Просто потому, что нашла на полу возле северной лест-

ницы детскую туфельку.

Маленькую.

Красную.

И точно такую же, какую носила сама в детстве.

На подкладке были вышиты инициалы:

Э. В.

Она подняла туфельку.

В тот же миг за тяжёлой дубовой дверью раздался детский смех.

— Эйлин! — позвал тонкий голосок. — Ну же! Мы опять играем в прятки!

Девушка замерла.

Это был её собственный голос.

Только детский.

Она медленно коснулась дверной ручки.

Металл оказался тёплым.

Слишком тёплым.

— Кто там? — прошептала она.

Смех оборвался.

А потом кто-то произнёс:

— Ты опять всё забыла.

Дверь дрогнула.

Из щели потянуло запахом мокрых роз.

— Но на этот раз, — продолжил голос, — мы не позволим ему убить нас снова.

И изнутри повернулся ключ.

Глава 6
Ужин с королём

Эйлин не успела открыть дверь.

Позади раздались быстрые шаги, и чья-то рука с такой силой схватила её за плечо, что она едва не вскрикнула.

— Прочь оттуда!

Кассиан оттащил её к противоположной стене.

Одновременно тяжёлая дверь северной башни распахнулась.

За ней не было лестницы.

Не было комнаты.

Только абсолютная чернота.

Из неё донёсся звук, похожий на глубокий вдох.

Кассиан заслонил Эйлин собой.

— Назад, — произнёс он.

Темнота шевельнулась.

Что-то длинное, напоминающее человеческую руку, скользнуло по порогу.

У существа было слишком много пальцев.

Они медленно ощупали камень.

А потом из глубины раздался мужской голос.

Совершенно такой же, как у Кассиана.

— Ты снова привёл её ко мне.

Эйлин перестала дышать.

Кассиан не двигался.

— Возвращайся.

Из темноты послышался смешок.

— Ты ведь знаешь, что она всё равно моя.

Король поднял правую руку.

На его пальце вспыхнул перстень с чёрным камнем.

— Я сказал: возвращайся.

Воздух задрожал.

Тень отступила.

Дверь захлопнулась с таким грохотом, что со стены осыпалась штукатурка.

Кассиан ещё некоторое время стоял неподвижно.

Потом медленно опустил руку.

Эйлин увидела, что его пальцы почернели до самого запястья.

Он спрятал их за спину.

— Вы ранены?

Наконец она разглядела, насколько тонко Кассиан держит себя: левая рука прижата к боку, плечи выпрямлены с чрезмерным усилием, губы сжаты. Живой человек после такого боя тяжело дышал бы; его же неподвижная грудь делала страдание почти невыносимым для наблюдателя. Эйлин вдруг подумала, что не знает, как определить, когда этому человеку действительно плохо. У него не будет лихорадки, не участится пульс, не изменится дыхание. А значит, он может разрушаться у неё на глазах, и она заметит слишком поздно. Мысль испугала её неожиданно сильно.

— Нет.

— У вас рука почернела.

— Это пройдёт.

Она посмотрела на дверь.

— Что это было?

— То, от чего я пытаюсь вас уберечь.

— У него ваш голос.

— Я слышал.

— Оно сказало, что я принадлежу ему.

Кассиан повернулся.

На лице его застыло выражение, которое напугало Эйлин сильнее, чем сама тьма.

— Вы не принадлежите никому.

Он произнёс это с такой яростью, словно спорил не с ней, а с кем-то невидимым.

Эйлин отступила на шаг.

Король заметил её движение.

И вдруг вся злость исчезла с его лица.

— Простите, — тихо сказал он. — Я не хотел вас испугать.

— У вас странный способ этого добиваться.

Кассиан опустил голову.

— Да.

На мгновение он показался ей не королём.

Не чудовищем.

А бесконечно усталым человеком.

Она посмотрела на его руку.

— Позвольте хотя бы осмотреть ожог.

— Не нужно.

— Ваше Величество, я выросла в доме, где двенадцатилетний мальчишка умудрялся получать новые травмы каждый день. Мне приходилось иметь дело с вещами и похуже.

— Уверен, что нет.

— Вы всегда такой несговорчивый?

Он посмотрел на неё.

— Почти всегда.

— Чудесно. Значит, нам предстоит счастливый брак.

И снова эта почти незаметная улыбка.

Кассиан протянул ей руку.

Чернота уже исчезала с пальцев.

Кожа оставалась ледяной.

Но ожога не было.

Эйлин осторожно провела большим пальцем по его ладони.

Король резко вздрогнул, будто тело по старой памяти пыталось вдохнуть, но грудь так и не шевельнулась.

Это было настолько неожиданно, что она подняла голову.

— Что?

Он смотрел на их руки.

— Ничего.

— Вам больно?

— Нет.

— Тогда почему...

— Потому что, — тихо произнёс он, — я очень давно ни-

чего не чувствовал.

Эйлин не знала, что ответить.

Он первым убрал руку.

— Идёмте. Ужин ждёт.

*

Столовая оказалась огромной.

За длинным столом легко разместились бы пятьдесят человек.

Но накрыто было только два прибора.

Эйлин села напротив мужа.

Между ними оставалось расстояние, достаточное для размещения небольшой армии.

Она огляделась.

— Вы боитесь, что я вас укушу?

— Простите?

— Обычно люди, состоящие в браке, сидят несколько ближе друг к другу.

— Я не хотел стеснять вас.

— Вы женились на мне. Полагаю, стеснять больше некуда.

Кассиан поднял бокал.

Он не пил.

Эйлин заметила это сразу.

— Вы не едите?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— Как печально. А я рассчитывала разделить с вами обязанности по дегустации столетних блюд.

На этот раз он улыбнулся открыто.

И Эйлин с удивлением обнаружила, что у него действительно красивый рот.

Очень красивый.

Если не вспоминать, что этот рот принадлежал мертвецу.

— Вы всегда разговариваете так много? — спросил Кассиан.

— Только когда нервничаю.

— А сейчас вы нервничаете?

— Я сижу за ужином с четырёхсотлетним покойником, который только что поссорился с собственным голосом за запертой дверью. Как вы полагаете?

Он опустил взгляд.

— Справедливое замечание.

Некоторое время они молчали.

Слуги меняли блюда.

Эйлин ела мало.

Она чувствовала, что Кассиан наблюдает за ней.

Не навязчиво.

Не оценивающе.

Скорее с каким-то мучительным вниманием.

Наконец она не выдержала.

— Вы смотрите на меня так, будто ожидаете, что я исчезну.

— Возможно, ожидаю.

— Вы очень странный мужчина.

— Мне это говорили.

— Ваши прежние жёны?

Он медленно опустил бокал.

— Эйлин.

Впервые он произнёс её имя без титула.

И почему-то ей понравилось, как оно прозвучало.

— Расскажите мне хотя бы об одной.

Король долго смотрел на огонь в камине.

— Одну из них звали Мериэль.

Эйлин отложила вилку.

— И какой она была?

— Любила читать. Особенно истории о дальних странах. Постоянно теряла закладки и складывала страницы книг.

— Ужасная женщина.

— Несомненно.

Он чуть улыбнулся.

— Она боялась грозы, но никогда не признавалась в этом. И каждый раз, когда начинался дождь, придумывала причину остаться в библиотеке.

— Вы её любили?

Кассиан долго не отвечал.

— Да.

Эйлин почувствовала укол чего-то неприятного.

— А она вас?

Король посмотрел на неё.

— До самого конца.

— Как она умерла?

Улыбка исчезла.

— Пытаясь меня спасти.

Эйлин опустила глаза.

— Мне жаль.

— Не стоит.

— Почему?

— Потому что это была моя вина.

За столом стало очень тихо.

Где-то в глубине замка скрипнула дверь.

Эйлин вдруг поняла, что перед ней сидит человек, который не просто пережил своих любимых.

Он помнит каждую.

И, возможно, считает себя их убийцей.

— Если хотите, — сказала она неожиданно для себя, — можете рассказать мне о ней ещё.

Кассиан поднял глаза.

На его лице появилось выражение, которого Эйлин не ожидала увидеть.

Благодарность.

Почти робкая.

— Когда-нибудь, — ответил он.

И после небольшой паузы добавил:

— Она тоже терпеть не могла старое вино.

Эйлин невольно представила Мериэль за этим столом — не портретную красавицу, а живую женщину, которая могла сердиться из-за кислого вина, крошить хлеб на скатерть и подкалывать мужа за его мрачный вид. Из всех ужасов замка именно эта простая картина оказалась самой тревожной. Мёртвые королевы переставали быть легендой: они превращались в людей, у которых были привычки, любимые блюда, смешные недостатки. А значит, исчезнуть здесь означало не только потерять жизнь, но и оставить после себя человека, который будет помнить, как ты кладёшь закладку в книгу.

— Она складывала страницы? — вдруг уточнила Эйлин. — Ужасная привычка. Если вы позволяли ей портить королевскую библиотеку, значит, действительно любили.

Кассиан посмотрел на неё.

— Я пытался запретить. Она сказала, что королевский указ не распространяется на книги, подаренные мужем. Пришлось подарить ещё одну.

Они оба улыбнулись, но улыбка быстро угасла. За столом будто появилось третье место — для женщины, о которой никто не умел говорить без боли.

Эйлин посмотрела на свой бокал.

— В таком случае она была весьма разумной женщиной.

*

Позднее, когда Эйлин возвращалась в свои покои, она увидела госпожу Ровену.

Та стояла возле лестницы и смотрела на девушку с таким

напряжением, что Эйлин остановилась.

— Что-то случилось?

Смотрительница покачала головой.

— Его Величество сегодня смеялся.

— Это запрещено королевским указом?

Ровена не улыбнулась.

— Он не смеялся уже девяносто восемь лет.

Эйлин почувствовала, как её улыбка медленно исчезает.

— А что случилось девяносто восемь лет назад?

Ровена отвела взгляд.

— Умерла королева Мериэль.

И только тогда Эйлин заметила за спиной смотрительницы ещё одну картину.

Она висела в тёмном углублении стены.

На ней была изображена женщина в серебристом платье.

С каштановыми волосами.

Серо-зелёными глазами.

И лицом, до жути похожим на её собственное.

Под картиной золотыми буквами было написано:

МЕРИЭЛЬ МОРВЕН. ТРЕТЬЯ КОРОЛЕВА.

Любима при жизни. Оплакана навечно.

Эйлин смотрела на изображение. Она уже видела эти черты в закрытой галерее, но тогда успела убедить себя, будто портрет был обманом замка. Здесь же висела официальная картина с именем и датами. От неё нельзя было отмахнуться как от ночного кошмара.

А потом медленно подняла руку к своему лицу.

У женщины на портрете была такая же маленькая родинка под левым глазом.

Точно такая же, как у неё.

Глава 7

Лица забытых королев

Всю ночь Эйлин снилась женщина с портрета. Сон был необычайно подробным: стекло холодило пальцы, где-то под потолком шуршали крылья, а на языке ощущалась пыль, похожая на серебряный воск. В этом сне Эйлин пыталась назвать себя по имени, но имя словно растворялось во рту. Она перечисляла всё, что знала о себе: дочь Ансельма, старшая сестра Тобиаса, девушка, умеющая чинить крышу, но не способная сварить приличный джем. Никто не имел права отнять у неё эти простые подробности.

Мериэль стояла у высокого окна в белом платье и что-то писала на стекле кончиком пальца.

За окном падал снег.

Женщина плакала.

Эйлин подходила ближе, пытаясь прочесть надпись, но та исчезала прежде, чем удавалось разобрать слова.

И тогда Мериэль поворачивалась.

У неё было лицо Эйлин.

Только глаза казались старше.

Не на десять или двадцать лет.

На целую вечность.

— Не верь ему, — говорила женщина.

— Кому?

— Никому из нас.

Эйлин проснулась, когда часы пробили шесть.

Первым делом она подошла к зеркалу.

Посмотрела на себя.

Потом намочила платок, стёрла с лица остатки вчерашней пудры и снова посмотрела.

Родинка под левым глазом.

Точно такая же.

У прежней королевы были более светлые волосы. Иначе изогнутые брови. Чуть более узкие губы.

Но сходство оставалось настолько сильным, что Эйлин почувствовала, как холодеет кожа.

Каждую, сказал король.

Он любил каждую свою жену.

И каждая была похожа на неё?

За завтраком она попросила Лиду принести сведения о предыдущих королевах.

Служанка чуть не выронила кофейник.

— Госпожа, подобные вещи лучше обсуждать с Его Величеством.

— Его Величество отличается удивительной способностью исчезать, как только разговор становится интересным.

— Тогда спросите канцлера.

— Канцлер смотрит на меня так, будто мысленно уже под-

бирает гроб.

Лида оглянулась на дверь.

— Есть библиотекарь.

— Вчера я была в библиотеке. Никого не видела.

— Он редко выходит днём.

— Ещё один покойник?

— Нет. Мастер Раэль живой.

— Поразительная редкость для этого замка.

Лида наклонилась ближе.

— Попросите его показать книгу королевских рождений. Только не говорите, что это я подсказала.

Эйлин улыбнулась.

— Обещаю.

*

Библиотека занимала почти всё восточное крыло.

Высокие стеллажи поднимались до потолка. Между ними проходили узкие галереи с железными лестницами.

В воздухе стоял запах старой бумаги, кожи и сухих трав.

И впервые с момента приезда Эйлин почувствовала себя почти спокойно.

Книги были знакомыми.

Понятными.

Даже самые страшные из них не могли внезапно вылезти из стены и схватить её за ноги.

По крайней мере, она на это надеялась.

— Если вы ищете любовные романы, они на третьем яру-

се.

Голос раздался из-за стеллажа.

Эйлин обернулась.

Перед ней стоял худощавый старик в очках с одной треснувшей линзой.

Он держал под мышкой три книги, а во рту — перо. Седые волосы торчали вокруг высокого лба, на узком лице темнели старческие пятна, а очки постоянно сползали на кончик длинного носа.

— Благодарю, — ответила Эйлин. — Но пока меня интересуют скорее пособия по расторжению брака.

Старик вынул перо.

— Таких у нас нет.

— Очень подозрительно.

— Его Величество никогда не испытывал в них необходимости.

— Разумеется. Его жёны обладают дурной привычкой умирать раньше.

Старик внимательно посмотрел на неё.

И улыбнулся.

— Раэль Эстен. Хранитель королевского архива.

— Эйлин Варн.

— Морвен, госпожа.

Она поморщилась.

— Ещё не привыкла.

Раэль поставил книги на стол.

— Чем могу помочь?

— Мне нужна история королевских браков. Желательно полная, без пропущенных страниц и внезапно сгоревших документов.

Старик перестал улыбаться.

— Это весьма необычная просьба.

— У меня весьма необычный супруг.

Раэль некоторое время молчал.

Потом вздохнул.

— Следуйте за мной.

Он привёл её к старому шкафу.

На дверцах были выгравированы розы.

Все с шипами.

Раэль достал три толстых тома.

Поставил перед Эйлин.

— Официальные записи. Больше я предоставить не могу.

Она открыла первый том.

Первое имя.

Изель Морвен.

Год рождения. Родители. Свадьба. Смерть.

Девушка умерла в двадцать четыре года.

Причина смерти не указана.

Следующая запись.

Нориэн Морвен.

Двадцать четыре года.

Смерть через одиннадцать месяцев после свадьбы.

Третья.
Мериэль Морвен.
Двадцать четыре года.
Смерть в северной башне.
Эйлин медленно перевернула страницу.
Следующая запись была пустой.
Только в верхней части стояла дата.
Через двадцать один месяц.
И уже вписанное имя:
Эйлин Морвен.
Она почувствовала, как холодная волна прошла по спине.
— Что это?
Раэль стоял неподвижно.
— Госпожа...
— Почему моё имя уже внесено в список?
— Вы теперь королева.
— В раздел умерших?
Он опустил голову.
Эйлин резко закрыла книгу.
— Сколько мне осталось?
Старик не ответил.
— Год? Два? Месяц?
— Я не могу...
— Не можете или не хотите?
Раэль снял очки.
Его руки дрожали.

— Я служу королевской семье сорок семь лет. Когда меня приняли в архив, мне велели никогда не открывать этот шкаф новой королеве.

Эйлин медленно поднялась.

— Но вы открыли.

— Да.

— Почему?

Старик посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что я видел, как умирала Мериэль.

Раэль смотрел не на неё, а на пустой край стола.

— Она приходила ко мне за книгами почти каждый день. Поначалу я считал её слишком шумной: она оставляла на страницах крошки и задавала вопросы, на которые не отвечают в приличном обществе. А потом привык. Она научила меня пить чай с мятой, потому что от крепкого болели руки. В последний день попросила переплести для неё маленькую тетрадь. Я обещал сделать к утру.

Он провёл дрожащими пальцами по обложке старой книги.

— Утром её уже не было. А тетрадь до сих пор лежит у меня в мастерской. Каждый раз, когда беру её, думаю, что следовало отдать сразу, без красивого переплёта.

Эйлин вдруг почувствовала, что не может больше давить на старика. Не из жалости — из понимания: у Мериэль была жизнь, которая продолжалась в чужих сожалениях.

— Простите, — тихо сказала она.

Раэль поднял глаза.

— Не извиняйтесь. Лучше успейте получить ответы, пока ещё можете задавать вопросы.

Он сглотнул.

— И больше не хочу видеть подобное.

*

В тот же день, прежде чем углубиться в королевские летописи, Эйлин обнаружила на полке тонкую книгу в сером полотняном переплёте. На корешке не было имени автора, только выцветший номер: «IV». Страницы распухли от сырости. Она раскрыла книгу наугад и увидела перечень расходов на свечи, масло и погребальные ткани. В одной графе повторялось слово «свадебные», в другой — «поминальные». Суммы совпадали до последней медной монеты.

— Вы ошиблись полкой, — сказал Раэль за её спиной.

Он произнёс это спокойно, но Эйлин заметила, как пальцы старика вцепились в край жилета.

— Здесь записано, сколько потрачено на мои будущие похороны?

— Это старая счётная книга. У неё нет силы предсказания.

— А у чернил? Смотрите, последние строки ещё не высохли.

Она провела пальцем возле записи, не касаясь букв. На странице стояло: «Новая королева. Двадцать четыре свечи из белого воска. Чёрное покрывало. Шесть локтей льна».

Чернила действительно блестели.

Раэль медленно снял очки. В глубине библиотеки хлопнула створка окна, хотя сквозняка не было.

— Иногда замок записывает то, что помнит, — сказал он. — А иногда то, чего ждёт. Не всё написанное сбудется.

— Но кто-то проверяет расходы, — заметила Эйлин. — Кто поставил подпись?

Под записью стояли аккуратные буквы: «Вардис».

Эйлин перелистала назад. Та же подпись под каждой свадьбой и каждым погребением. Вверху страниц менялись даты и имена королев, а рука канцлера оставалась одинаково твёрдой. Впервые она подумала не о том, насколько древним был король, а о том, сколько людей вокруг него сознательно помогали поддерживать этот порядок.

— Он приходит сюда? — спросила она.

— Иногда.

— Тогда пусть попробует объяснить мне, отчего для королевы покупают саван ещё до того, как успевают подарить цветы.

Раэль протянул руку к книге, но Эйлин прижала её к груди.

— Я не собираюсь ничего сжигать, — сказала она. — Хочу разобраться.

Старик посмотрел на неё с неуверенностью, которая странно не вязалась с его возрастом. Потом отступил и опустился на соседний стул.

— Когда я пришёл сюда, — заговорил он, — предыдущая королева ещё была жива. Мериэль сидела вон там, возле третьего окна. Солнечный свет падал на страницы, и она ругалась, если кто-нибудь закрывал ставни. А когда её не стало, свет почему-то продолжал оставаться на этом месте даже в пасмурный день. Я убедил себя, что это простой обман глаз.

— Вы скучаете по ней.

Раэль повертел очки.

— Скучаю по тому, как в библиотеке было можно разговаривать громко. Она не позволяла замку делать вид, будто все мы давно умерли.

Эйлин посмотрела на пустое кресло у окна. На подлокотнике сохранилась неглубокая царапина; рядом стояла чашка, забытая так давно, что на дне остался серый круг.

— Почему вы продолжаете здесь служить?

— Когда долго живёшь среди чужих страхов, начинает казаться, что уйти — значит бросить тех, кто не может выйти сам. Но я и оставался, и молчал. Не самый достойный выбор.

Он наконец поднял глаза.

— Мериэль просила передать кое-что следующей женщине, если я когда-нибудь увижу её. Я тогда обещал. А потом испугался.

— Что именно?

Раэль встал, достал из ящика чистый лист и написал одно предложение. Не вслух: в библиотеке даже бумага шуршала так, словно прислушивалась.

«Не отдавай никому право назвать тебя заменой».

Эйлин долго смотрела на эти слова. Впервые за всё время с приезда ей захотелось не разозлиться, а просто положить голову на стол и поспать, пока мир снова не станет понятным. Но она аккуратно сложила лист и спрятала за корсаж.

— Я сохраню его, — сказала она.

— Лучше выучите наизусть, госпожа. Здесь бумага исчезает чаще, чем вещи, которые мы действительно потеряли.

Когда Раэль ушёл за вторым томом, Эйлин подошла к третьему окну. Солнечный прямоугольник лежал на пустом кресле. Она села в него и неожиданно почувствовала тепло на коленях, хотя стекло давно затянули облака. Ей пришла в голову нелепая мысль, что Мериэль вовсе не хотела пугать следующую невесту. Возможно, она просто оставляла ей место возле окна.

*

Эйлин просидела в библиотеке до вечера.

Она читала старые летописи, сравнивала даты, выписывала имена.

Изель.

Нориэн.

Мериэль.

Три королевы.

Три свадьбы.

Три смерти.

Между первой и второй прошло почти сто лет.

Между второй и третьей — ещё сто.

И теперь, спустя девяносто восемь лет после смерти Мериэль, в замок привезли её.

Раэль принёс ей чай и тарелку с пирогом.

— Вы ничего не ели.

— Я пытаюсь выяснить дату собственной смерти. Аппетит как-то не приходит.

Он поставил чашку рядом.

— Есть вещи, которые ещё не произошли.

— Но все здесь ведут себя так, будто они уже неизбежны.

Старик долго смотрел на неё.

— Именно поэтому они и происходят, госпожа.

Эйлин подняла глаза.

Раэль быстро отвернулся.

— Простите. Старческие глупости.

— Мастер Раэль...

Но он уже уходил.

На столе осталась чашка чая.

А под блюдцем — маленький клочок бумаги.

Эйлин развернула его.

На нём была нарисована корона.

Под ней — четыре слова:

«Ищите тех, кого нет».

Глава 8

Урок, который нельзя забыть

На третий день после свадьбы Эйлин потребовала у капи-

тана Орина короткий клинок.

— С какой целью? — спросил он.

— Сначала собираюсь научиться его держать, потом, возможно, стану угрожать всем, кто продолжает отвечать на вопросы загадками.

Орин едва заметно улыбнулся, но вместо оружия принёс деревянный тренировочный нож.

— Король велел, чтобы вы не оставались без защиты. Приказал заниматься с вами лично.

Эйлин удивлённо подняла брови.

— Он умеет держать оружие? Я думала, в свободное время он исключительно пугает слуг.

— Ваш супруг был лучшим фехтовальщиком Севера.

— Четыреста лет практики — нечестное преимущество.

Тренировочная комната располагалась в старой оружейной. Здесь пахло пылью, металлом и кожей. На стенах висели мечи, копья и деревянные щиты. По полу проходила бледная полоса света из высокого окна.

Кассиан уже ждал. Он снял парадный камзол и остался в тёмной рубашке, рукава которой были закатаны до локтей. Без короны его высокий рост и широкие плечи казались не столько королевскими, сколько опасно человеческими. Короткий светлый шрам над верхней губой выделялся резче, чем обычно. Тёмные прямые волосы касались воротника; возле правого виска проходила одна серебристая прядь.

— Вы настояли на занятиях? — спросил он.

— Я предпочитаю иметь возможность защищаться, когда за моей дверью снова окажется что-нибудь с шестью пальцами.

Кассиан взял деревянный нож.

— Первый урок: от большинства существ в этом замке лучше бежать.

— Очень вдохновляюще.

— Второй: если бежать нельзя, бейте в сустав, а не в грудь.

Он показал движение. Эйлин попыталась повторить, но нож выскользнул из пальцев.

— Вы держите его так, будто собираетесь извиниться перед нападающим, — заметил король.

— Я стараюсь сохранить хорошие манеры.

— Тогда упрямо умрёте вежливой.

— Вы удивительно умеете поддерживать начинающих.

Он едва заметно улыбнулся и встал позади неё.

— Позвольте?

Эйлин кивнула. Кассиан осторожно поправил её локоть, развернул ладонь и переместил большой палец на рукоять. Его холодные пальцы коснулись кожи чуть выше запястья. Она вздрогнула, но не от страха. От близости. От того, что привыкла искать в его прикосновениях угрозу, а теперь неожиданно обнаружила собственное смущение.

— Сильнее прижмите запястье, — сказал он тихо.

— Я прижимаю.

— Нет, вы думаете о чём-то другом.

Эйлин резко повернула голову и почти коснулась щекой его лица. На одно мгновение они замерли. Вблизи его глаза оказались не безжизненно-серыми, а сложными: в них проступали тонкие светлые лучи, словно лёд на реке потрескался под весенним солнцем.

Король отступил первым.

— На сегодня довольно.

— Мы занимались десять минут.

— Вы усвоили главное.

— Что?

Кассиан поднял с пола упавший нож и положил ей в ладонь.

— Никогда не позволяйте противнику решать, насколько близко вы должны стоять.

На следующий день он пришёл снова. И на третий. Эйлин научилась освобождать запястье из захвата, прятать маленький клинок в складках платья и не зажмуриваться при нападении. Когда ей наконец удалось вывернуть руку короля, он позволил ножу коснуться своей груди.

— Я победила, — объявила она, тяжело дыша.

— Я не сопротивлялся.

— Это жалкое оправдание проигравшего.

Он неожиданно рассмеялся. Коротко, с удивлением, будто звук вырвался из него помимо воли.

Эйлин тоже улыбнулась, но улыбка исчезла, когда он произнёс:

— Нориэн точно так же держала нож.

Тишина словно раздвинула их. Кассиан сразу понял ошибку.

— Простите.

Эйлин опустила клинок.

— Вы всегда сравниваете нас?

— Нет. Не всегда.

От честности стало больнее, чем от лжи.

— Тогда сделайте мне одолжение. Когда мы здесь, учите меня. Не женщину, которую помните.

Кассиан медленно склонил голову.

— Ты права.

Он впервые обратился к ней на «ты» так естественно, что сам замер. Эйлин заметила перемену, но не стала её обсуждать. Она снова подняла нож.

— В таком случае покажите следующий приём, Ваше Величество. И на этот раз не поддавайтесь.

Глава 9

Город под тенью замка

Эйлин решила сбежать на шестой день своего замужества.

Она проснулась с ясной мыслью, что ещё один день среди испуганных слуг сделает её похожей на них. Не потому, что сама она была смелее, а потому, что страх, оставленный без движения, постепенно превращается в привычку. Эйлин вспомнила, как после смерти матери долго не выходила за ворота: дом казался единственным местом, где ещё можно

было встретить её запах и следы. Однажды Тобиас вытащил сестру в сад, и они целый час сидели на солнце, ничего не говоря. Тогда она впервые поняла, что выйти из дома — не значит бросить память о нём. Теперь ей снова требовалось сделать этот шаг.

Она приготовила мешок, оставила Лиде записку, чтобы никто не искал её в пустых комнатах, и трижды возвращалась за вещами, которые забыла взять. Мешок быстро отяжелел, но странным образом от этого стало легче: в нём лежали обычные предметы для обычной дороги, а значит, хотя бы на несколько часов она притворится обычной девушкой.

Решение было обдуманным, зрелым и совершенно разумным.

По крайней мере, так она сказала себе, перелезая через ограду конюшенного двора.

На самом деле план состоял из трёх пунктов.

Украсть лошадь.

Добраться до города.

Выяснить, существует ли дорога, по которой можно уехать домой.

К её огромному удивлению, первые два пункта оказались вполне осуществимыми.

С третьим возникли сложности.

Прежде всего потому, что лошадь, которую она выбрала, принадлежала капитану Орину.

А сам капитан обнаружился в седле, когда Эйлин уже при-

готовилась отвязать поводья.

— Доброе утро, Ваше Величество.

Эйлин замерла.

— Вы не могли бы хотя бы иногда быть менее наблюдательным?

— Я стараюсь.

— Сегодня у вас плохо получается.

Орин посмотрел на дорожный мешок у неё на плече.

— Далеко собрались?

— На прогулку.

— С вещами?

— Я предусмотрительная женщина.

Капитан вздохнул.

— Садитесь.

Эйлин моргнула.

— Что?

— Я отвезу вас в город.

— И не собираетесь сообщать королю?

— Сообщу.

— Вы ужасный человек.

— Об этом мне тоже говорили.

*

Они ещё не выехали со двора, когда Орин протянул ей вторую пару перчаток. Первые Эйлин забыла в конюшне, а холодный утренний дождь уже превращал поводья в скользкую верёвку.

— Капитан, — сказала она, — вы удивительно заботливы для человека, который намерен меня выдать.

— Я намерен вернуть вас живой. Это разные занятия.

Эйлин натянула перчатки, размышляя, почему во дворце такие простые человеческие мелочи поражают её сильнее, чем говорящие портреты.

Дорога спускалась к долине длинными петлями. Сквозь туман проступали обугленные стволы старых яблонь; на одной висела деревянная детская качель, неподвижная даже под ветром. У обочины лежал заржавевший обруч. Эйлин заметила, что Орин повернул голову и задержал на нём взгляд.

— Чья это была ферма?

— Семьи мельника. Здесь когда-то был хутор.

— Что с ним стало?

— Люди уехали после плохого урожая.

— Это правда или дворцовый ответ?

Орин помолчал.

— И то и другое. Плохой урожай был следствием того, что в земле перестало что-либо расти.

Лошади шли шагом. В какой-то момент капитан снял перчатку, чтобы поправить подпругу, и Эйлин увидела на его безымянном пальце светлый след от кольца.

— Вы были женаты?

Он застегнул ремень. Слишком тщательно.

— Был.

— Я не хотела...

— Нет, ничего. Вы спросили вежливо, что само по себе большая редкость при дворе.

Эйлин усмехнулась, но Орин не улыбнулся в ответ.

— Её звали Йона, — сказал он. — Она выращивала розы, совершенно не понимая, как это делается. Они погибали у неё почти каждую весну. Она говорила, что цветы слишком упрямы, чтобы прислушиваться к людям.

— Похоже, вы её очень любили.

— Да.

— Она умерла?

Капитан посмотрел на долину.

— Внешний мир прожил больше лет, чем я успел сосчитать. Мы с Йоной разошлись ещё тогда, когда я думал, что смогу отслужить в замке два года и вернуться с заработком. Пока я возвращался, её волосы поседели. Она встретила меня на пороге — старой женщиной. А я выглядел почти так же, как в день отъезда.

Эйлин ослабила поводья. Ей хотелось сказать «как ужасно», но слово показалось слишком маленьким.

— Она узнала вас?

Орин улыбнулся странно и нежно.

— Сразу. А я долго не мог принять, что передо мной она. Мне стыдно за это до сих пор.

— И что было потом?

— Мы прожили вместе три месяца. Я ухаживал за ней, сварил ей тысячу отвратительных каш, научился завязывать

тёплый платок. Она всё время смеялась, что из меня вышла бы ужасная хозяйка. Потом Йона умерла, и я вернулся в замок.

— Зачем?

— Там время хотя бы не притворяется милосердным.

Орин отвернулся. Эйлин поняла: об этом он не говорил никому много лет. Наверное, ему было проще сопровождать королев к алтарю, чем однажды вслух произнести, что он сам добровольно возвращается туда, где не кончаются его собственные потери.

— У вас были дети? — тихо спросила она.

— Дочь. Марин. Она выросла, завела детей. Я видел её дважды. После второго раза больше не решился.

— Почему?

— Представьте, что ваш отец остаётся молодым, а вы стареете рядом с ним. Марин уже приходилось объяснять соседям, почему человек, которого она называет отцом, выглядит моложе её мужа. Я не хотел превращать её жизнь в очередную дворцовую загадку.

Эйлин вспомнила Тобиаса. Ей представилось, как он станет высоким и взрослым, а она останется в белом платье у окна, навсегда готовой к свадьбе, которая уже состоялась.

— Капитан, — сказала она, — я не знаю, что происходит с этим замком. Но вы не обязаны вечно платить за службу своей жизнью.

Орин долго смотрел вперёд.

— Вы ещё мало знаете о моём долге, госпожа.

— Возможно. Но хорошо знаю, как люди умеют превращать чувство долга в повод никогда не уходить.

Он медленно повернул к ней голову. Потом тихо произнёс:

— Может статься, вы и правда станете хорошей королевой.

— Я намерена стать прежде всего живой королевой.

Орин рассмеялся. Негромко, но искренне. И они поехали дальше, к первым дымным крышам Веллхейма, каждый с собственной причиной не доверять вечности.

*

Город назывался Веллхейм.

Он располагался в долине под замком, окружённый высокой каменной стеной.

Издали он казался красивым.

Узкие крыши, башни церквей, красные черепичные дымоходы, маленькая река, пересекающая площадь.

Вблизи красота исчезала.

На улицах было слишком много нищих.

Слишком много пустующих домов.

В лавках продавались чёрные свечи, соль и маленькие серебряные обереги в форме терновых ветвей.

На каждой двери висел колокольчик.

Эйлин заметила, что люди постоянно оглядываются на замок.

— Чего они боятся? — спросила она.

— Ночи, — ответил Орин.

Они спешились у рыночной площади.

Эйлин впервые за несколько дней услышала настоящие человеческие голоса.

Торговцы спорили.

Дети бегали между лотками.

Женщина ругала мужа за испорченную ткань.

И всё это казалось настолько живым, что у Эйлин защемило сердце.

Она купила горячий пирожок.

Попробовала.

Остановилась.

— О боги.

Орин встревоженно обернулся.

— Что случилось?

— У него есть вкус.

Капитан рассмеялся.

— Во дворце не кормят?

— Там кормят преимущественно воспоминаниями о еде.

Она откусила ещё.

И в этот момент заметила старуху, сидевшую у края площади.

Та торговала сушёными травами.

На шее у неё висело ожерелье из маленьких костей.

Когда Эйлин проходила мимо, старуха схватила её за за-

пястье.

— Вот ты и вернулась.

Эйлин остановилась.

— Мы знакомы?

Старуха прищурилась.

Её глаза были почти белыми.

— Ты каждый раз спрашиваешь одно и то же.

Орин быстро подошёл.

— Отпустите королеву.

Старуха засмеялась.

— Королеву? Нет, мальчик. Королева осталась там, где её похоронили.

Она указала костлявым пальцем на замок.

— А эта — дверь.

Эйлин почувствовала, как холодеет кровь.

— Что вы имеете в виду?

Старуха наклонилась ближе.

От неё пахло дымом и полынью.

— Когда откроется последняя дверь, дитя, смотри не на того, кто стоит перед тобой. Смотри на того, кто держит ключ.

Орин отстранил её.

— Довольно.

Старуха покачала головой.

— Ты снова приведёшь его ко мне, Эйлин. И на этот раз я покажу тебе, что он сделал.

Девушка попыталась обернуться.

Но Орин уже увёл её через площадь.

— Кто это?

— Местная безумная травница.

— Она знала моё имя.

— Вы королева. Вас многие знают.

— Она сказала, что я вернулась.

Капитан сжал челюсти.

— Старики любят говорить загадками.

— А вы любите врать.

Орин остановился.

На мгновение его лицо стало суровым.

— Послушайте, госпожа. Не всякая правда способна помочь.

— Зато ложь отлично помогает тем, кто её произносит.

Он ничего не ответил.

*

Эйлин не сразу позволила Орину увести себя от лавки старухи. Её удержал у края площади другой голос — не пророческий, а самый обыкновенный детский плач. Мальчик лет восьми стоял возле перевёрнутой корзины с репой. Несколько клубней раскатились по мостовой; прохожие обходили их, а торговка в сером чепце сердито отчитывала ребёнка.

— Ты знаешь, сколько стоит товар? Где я возьму другую корзину?

— Я нечаянно, — всхлипывал мальчик. — Я хотел по-

мочь.

Эйлин присела и стала собирать репу. Орин замер рядом, явно ожидая нового нарушения правил дворцового этикета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.